

Научная статья

УДК 341.96

doi: 10.17223/22253513/48/9

Вещные правоотношения с «иностранным элементом»: законодательное регулирование и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации

Татьяна Юльевна Баришпольская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, tbari@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается один из аспектов международного частного права – коллизионное регулирование вещных отношений с «иностранным элементом». Предметом анализа выступают как законодательные положения, так и правовые позиции, сформулированные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации относительно выбора подлежащего применению права к вещным правоотношениям, осложненным «иностранным элементом».

Ключевые слова: вещные правоотношения с «иностранным элементом», коллизионные нормы, вещный статут, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования: Баришпольская Т.Ю. Вещные правоотношения с «иностранным элементом»: законодательное регулирование и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 105–114. doi: 10.17223/22253513/48/9

Original article

doi: 10.17223/22253513/48/9

Real legal relations with a "foreign element": legislative regulation and legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation

Tatyana Yu. Barishpolskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, tbari@mail.ru*

Abstract. The subject of consideration in this article are the legislative provisions and legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation in the field of legal regulation of property relations with a "foreign element".

The first stage of the study is the analysis of the conflict of laws rules contained in the Civil Code and determining the choice of applicable law to property relations with a "foreign element". The author proceeds from the fundamental thesis about the predestination in the end of the regulation of international property relations by the pecu-

liarities of the substantive regulation of such relations. In this regard, it is argued that the conflict-of-laws regulation of international property relations in Russian law cannot be considered optimal, since there is precisely insufficient consideration of the specifics of substantive legal regulation. The article analyzes the content of the norms of Articles 1205 - 1207 of the Civil Code. The problems associated with the application of these norms are caused by the definition of the "real statute" and those issues that are included in the scope of the real statute. As a result of the analysis, proposals are formulated to improve the legal regulation of property relations with a "foreign element" in the Civil Code of the Russian Federation.

Further, the guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on relevant issues are analyzed. The legal positions of the Supreme Court affect several aspects of conflict of laws regulation. In this regard, the article pays attention to the problem of choosing the law to be applied to non-documentary securities. The extension of the proprietary statute to non-documentary securities is questioned. At the same time, a legislative norm is proposed that allows for the election of a competent law and order in this case. The legal position regarding the election of the right to a collateral legal relationship with a "foreign element" is also analyzed.

As a result, it is concluded that in the relevant explanations on the application of conflict of laws rules, there is insufficient consideration of the specifics of substantive legal regulation and some underestimation of the systematic approach in the interpretation of legal norms.

The implementation of the proposals made would contribute to greater efficiency and harmonization of conflict-of-laws regulation of international property relations, since these proposals embody the idea of conditionality of conflict-of-laws rules by the nature of civil material legal relations and the peculiarities of civil law regulation.

Keywords: real legal relations with a "foreign element"; conflict of laws rules; real statute; legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Barishpolskaya, T.Yu. (2023) Real legal relations with a "foreign element": legislative regulation and legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 48. pp. 105–114. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/48/9

В мае 2023 г. исполнилось 105 лет со дня рождения профессора кафедры гражданского права Юридического института (факультета) Томского государственного университета, доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации Бориса Лазаревича Хаскельберга.

Невозможно переоценить вклад Б.Л. Хаскельберга в развитие отечественной науки гражданского права. Его научное наследие представлено трудами во многих областях цивилистики. Неизменно на протяжении многих лет объектом исследовательского интереса профессора Б.Л. Хаскельберга выступало вещное право, прежде всего право собственности. В его работах глубокому и всестороннему анализу подвергались многие аспекты гражданско-правового регулирования вещных отношений. При этом выводы, сформулированные Б.Л. Хаскельбергом, в значительной степени применимы и к тем разделам вещного права, которые не были непосредственным предметом исследования со стороны Б.Л. Хаскельберга.

В контексте данной публикации важно заметить, что профессор Б.Л. Хаскельберг в своих работах не уделял особого внимания междуна-

родному вещному праву, в том числе вопросам применения коллизионных норм. Но его исследования в сфере вещного права как такового имеют большое значение для международного частного права. Прежде всего потому, что регулирование международных вещных правоотношений предопределено в конечном счете особенностями материально-правового регулирования.

В связи с этим представляется, что коллизионное регулирование международных вещных отношений в российском праве нельзя признать оптимальным, поскольку здесь наблюдается именно недостаточный учёт особенностей материально-правового регулирования.

Коллизионные нормы, предусматривающие выбор права, подлежащего применению к вещным правоотношениям с иностранным элементом, традиционно немногочисленны и относительно редко претерпевают существенные изменения. Вместе с тем без таких норм невозможна полноценная правовая регламентация международных частных отношений [1. С. 244].

В настоящее время коллизионное регулирование вещных правоотношений представлено нормами, содержащимися в ст. 1205–1207 ГК РФ. Но реализация этих норм порождает довольно сложные правоприменительные ситуации.

Как известно, решение коллизионных вопросов сводится к выбору подлежащего применению права определенного государства (компетентного правопорядка или статута).

В сфере вещных правоотношений с «иностранным элементом» ключевым является понятие вещного статута как определяемого на основе коллизионных норм материального права соответствующего государства, подлежащего применению к вещному правоотношению. Традиционно вещным статутом считается право стороны, где вещь (имущество, объект вещного права) находится (ст. 1205 ГК).

В 2013 г. в VI разделе ГК появилась заслуживающая поддержки новелла принципиального характера в виде ст. 1205.1 «Сфера действия права, подлежащего применению к вещным правам».

До включения в раздел VI ГК соответствующих норм вопросы, относящиеся к сфере действия вещного статута, не будучи закреплёнными в законе, постоянно выступали объектом дискуссии в доктрине международного частного права, а также получали неоднозначное толкование при разрешении дел из частных правоотношений с «иностранным элементом». Теперь круг этих вопросов (сфера действия вещного статута) определён в законе [2. С. 169].

В частности правом, подлежащим применению к вещным правам, определяются: виды объектов вещных прав, оборотоспособность объектов вещных прав, виды вещных прав, содержание, осуществление и защита вещных прав. Сюда же отнесены такие аспекты, как возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество, в том числе переход права собственности. Это законодательное положение заслуживает особого внимания в сопоставлении с другими коллизионными

правилами. Здесь следует учитывать существование нормы п. 1 ст. 1206 ГК, которая предусматривает выбор применимого права также для разрешения вопросов возникновения и прекращения вещных прав.

Таким образом получается, что действуют две коллизионные нормы, регулирующие выбор права применительно к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав. Одна из них отсылает к праву страны, где имущество находится (ст. 1205), а другая – к праву страны, где имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности... (п. 1 ст. 1206). Очевидно, что отсылки не совпадают. Наблюдается коллизия уже самих коллизионных норм.

Однако если проанализировать эти законодательные положения более глубоко, то конкуренция рассматриваемых коллизионных норм как будто бы снимается оговоркой «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом (ст. 1205.1).

А «иное» как раз предусмотрено в виде существующего в ст. 1206 ГК специального коллизионного регулирования возникновения и прекращения вещных прав, причём регулирования всеобъемлющего, т.е. рассчитанного на все основания и способы возникновения и прекращения вещных прав. Тогда правомерен вопрос: когда, в каких случаях возникновение и прекращение вещных прав будет подчиняться вещному статуту, т.е. подпадать под действие именно нормы ст. 1205.1, а не ст. 1206? В более резкой форме этот же вопрос может быть сформулирован следующим образом: что остаётся на «долю» вещного статута применительно к аспекту возникновения и прекращения вещных прав? Или же в ст. 1205.1 выражен некий «резервный» вариант «на всякий случай»?

Кроме того, в норме п. 1 ст. 1206 также содержится оговорка «если иное не предусмотрено законом». Имел ли здесь законодатель в виду лишь специальное, более «узкое» регулирование по сравнению с п. 1 ст. 1206 (в частности, содержащееся в п. 2–4 ст. 1206) или же, закрепив эту оговорку, не исключил также применения нормы ст. 1205.1 о сфере действия вещного статута для разрешения вопросов возникновения и прекращения вещных прав?

Но, наверное, вопросов уже поставлено достаточно.

Предлагаемый вариант оптимального правового регулирования, направленный на устранение конкуренции норм ст. 1205.1 и ст. 1206 ГК, излагается в завершающей части данной публикации.

Специального анализа заслуживает толкование и применение нормы п. 1 ст. 1206 ГК как таковой: «Возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество определяются по праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено законом».

Как уже было отмечено, коллизионное регулирование, содержащееся в п. 1 ст. 1206, применимо в принципе ко всем способам и основаниям воз-

никновения и прекращения вещных прав, кроме такого основания как наследование. Переход вещных прав от наследодателя к наследникам и, соответственно, возникновение вещных прав у наследников в рамках наследственных правоотношений подпадают под действие наследственного статута, который в российском коллизионном праве определяется на основе норм ст. 1224 ГК РФ.

В то же время норма п. 1 ст. 1206 ориентирует на существование специальных правил, относительно которых она выступает в качестве общего предписания. Такие специальные правила – изъятия, рассчитанные на особые случаи выбора права для разрешения вопросов возникновения и прекращения вещных прав, закреплены в п. 2–4 ст. 1206 ГК.

При применении же общей нормы следует учитывать, во-первых, место нахождения вещи и, во-вторых, именно в момент, когда происходит юридический факт, являющийся основанием для возникновения либо прекращения вещного права.

Думается, всё же ключевым термином в этом контексте можно считать термин «основание». Поэтому в связи с применением данной нормы прежде всего в разрешении нуждается вопрос, что считать соответствующим основанием.

Как известно, категория «основания», как, впрочем, и категория «способы» возникновения (прекращения) вещных прав являются предметом дискуссии в цивилистической теории [3. С. 625–626]. При этом в различных случаях приобретения (прекращения) вещного права первоначальным или производным способом раскрытие содержания понятия «основание» представляется не таким уж и простым делом, особенно если речь идёт об основаниях приобретения права собственности первоначальным способом, и тем более если учесть, что мы имеем дело с международными частными отношениями и разными национальными правовыми порядками.

Например, что считать основанием возникновения права собственности в случае присвоения имущества, составляющего клад или находку? Или что должно рассматриваться в качестве основания прекращения права собственности в ситуации изъятия бесхозяйственно содержимых культурных ценностей?

Если речь идёт о применении нормы п. 1 ст. 1206 ГК к приобретению права собственности на движимое имущество по сделке, то прежде всего следует исходить из того, что основанием прекращения права собственности у отчуждателя и возникновения права собственности у приобретателя выступает отчуждательная сделка. Однако, как известно, обязательственная сделка сама по себе не переносит право собственности и не

имеет вещно-правового эффекта [4. С. 153]. Момент возникновения права собственности у приобретателя связывается, как правило, с передачей вещи, в каких бы формах она ни осуществлялась в различных правовых порядках. Передача вещи является юридическим фактом, который завершает юридический состав, влекущий вещно-правовые последствия. Также в законе и в договоре возможно связать переход права собственности с

другими юридическими фактами, например, с фактом полной оплаты товара и иными обстоятельствами.

В данном контексте хотелось бы особо отметить значимость теоретического наследия Б.Л. Хаскельберга, в трудах которого содержится подробный анализ таких аспектов, как основания приобретения и прекращения права собственности, момент возникновения права собственности [5. С. 310–312]. Б.Л. Хаскельбергом неоднократно подчёркивалась необходимость разграничения этих понятий, но в то же время их связь. Исследования Б.Л. Хаскельберга напрямую не затрагивают область международного частного права. Но выводы автора могут быть безусловно применены при анализе вещных правоотношений с «иностранным элементом».

В свете сказанного при толковании нормы п. 1 ст. 1206 ГК неизбежно возникает вопрос: с местом нахождения вещи в какой момент связывать выбор права? Следует учитывать место нахождения вещи в момент совершения сделки (заключение договора) или в момент передачи вещи (иного действия, непосредственно влекущего переход права собственности)? В тот или иной момент возможно нахождение вещи в разных государствах. Соответственно, возможен выбор разных правопорядков для разрешения одних и тех же правовых вопросов применительно к одной и той же сделке.

По понятным причинам значительно проще решается коллизийная проблема применительно к возникновению и прекращению права собственности на недвижимое имущество по сделке. Поскольку недвижимое имущество имеет прочную связь с землёй и всегда находится в одном и том же месте (государстве), соответственно, будем мы связывать выбор применимого права с моментом совершения сделки или с моментом государственной регистрации перехода права собственности, это не повлияет на решение коллизийного вопроса. Применимым материальным правом всегда будет право страны, где находится недвижимость.

В некоторых довольно широко распространённых в международной практике случаях выявление основания возникновения или прекращения вещного права не составляет никаких трудностей. Но проблемы правоприменения создаёт другой момент: место нахождения вещи. Так, в случаях национализации, также конфискации имущества основанием прекращения права частной собственности и одновременно основанием возникновения права публичной собственности несомненно выступает законодательный акт национализации или судебный акт о конфискации. Но в момент принятия соответствующего акта имущество собственника может находиться в разных государствах. А значит решение вопросов возникновения (прекращения) права собственности на все эти объекты должно подчиняться разным правопорядкам.

В связи с вышеизложенным представляется, что основная коллизийная норма общего действия, регулирующая выбор права для разрешения вопросов возникновения и прекращения вещных прав, нуждается в совершенствовании. Автором предлагается следующая редакция п. 1 ст. 1206 ГК: возникновение и прекращение права собственности и иных вещных

прав на имущество определяются по праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, повлекшее возникновение либо прекращение права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено законом. При таком подходе в случаях, когда для возникновения либо прекращения вещного права требуется некая совокупность юридически значимых обстоятельств, выбор применимого права можно будет связать с юридическим фактом, который завершает юридический состав и после которого субъективное вещное право считается возникшим или прекращённым.

Коллизионное регулирование вещных отношений ещё более осложняется наличием нормы-новеллы п. 3 ст. 1206 ГК, появившейся в VI разделе ГК в 2013 г.: «Стороны могут договориться о применении к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на движимое имущество права, подлежащего применению к их сделке, без ущерба для прав третьих лиц». Из содержания нормы следует, что возникновение и прекращение права собственности на имущество по сделке должно подчиняться обязательственному статусу.

Само по себе это положение не только не вызывает возражений, а, напротив, заслуживает поддержки. Однако, думается, в этом вопросе законодатель должен был проявить бóльшую последовательность. Так, если стороны сделки не придут к соответствующему соглашению, будет иметь место нежелательное разделение статуса: возникновение и прекращение права собственности на движимое имущество по сделке будет относиться к сфере действия правопорядка, избираемого на основе норм ст. 1205, п. 1 ст. 1206 ГК (вещного статуса), а права и обязанности сторон сделки – соответственно, к сфере обязательственного статуса (ст. 1210, 1211 ГК).

В итоге всё вышесказанное даёт основание сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования вещных отношений с «иностранным элементом» в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Необходимо изъять из сферы действия вещного статуса такой аспект, как возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав, в том числе переход права собственности, исключив из нормы ст. 1205.1 п. 5.

Возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав следует определять по праву, избираемому в соответствии с критериями, указанными в п. 1 ст. 1206 ГК. При этом надо распространить действие данной нормы на все способы и основания возникновения и прекращения права собственности, иных вещных прав кроме сделки (договора), изменив содержание самой нормы п. 1 ст. 1206, как было предложено выше. Специальные коллизионные правила, закреплённые в п. 2, 3 ст. 1206, следует оставить без изменений.

В то же время возникновение и прекращение права собственности на имущество – предмет сделки (договора) должно регулироваться правом, применимым к обязательственно-правовым последствиям договора (пра-

вам и обязанностям сторон). Таким образом возникновение и прекращение права собственности, иных вещных прав на имущество по сделке следует включить в сферу действия обязательственного статута, как это произошло с формой сделки (п. 1 ст. 1209 ГК). Очевидно, что в отчуждательных сделках главное – перенос (переход) права собственности на приобретателя. Представляется, этот переход должен подчиняться праву (правопорядку), применимому к самой сделке и её последствиям.

Соответственно, следует внести изменения в ст. 1215 ГК «Сфера действия права, подлежащего применению к договору», включив в неё такой аспект, как возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав.

Разумеется, это положение должно применяться, если сделка имеет основной целью вещно-правовые последствия, например, такие как переход права собственности, установление сервитута, возникновение правомочий по владению и пользованию общим имуществом у участников правоотношения общей долевой собственности на основании соглашения об установлении порядка эксплуатации общего имущества.

Думается, реализация высказанных предложений способствовала бы большей эффективности и гармонизации коллизионного регулирования международных вещных правоотношений, поскольку эти предложения воплощают в себе идею обусловленности коллизионных правил природой гражданских материальных правоотношений и особенностями гражданско-правового регулирования.

В контексте рассматриваемых вопросов нельзя обойти вниманием правовые позиции, сформулированные Пленумом Верховного Суда РФ относительно применения коллизионных норм в сфере международных вещных правоотношений [6. С. 6–7].

Разъяснения со стороны Верховного Суда затрагивают несколько аспектов. Так, в частности, Пленум распространил действие вещного статута на права как по документарным, так и бездокументарным ценным бумагам [6. С. 6]. В частности, в Постановлении указывается (п. 18), что права по документарным и бездокументарным ценным бумагам определяются вещным статутом, т.е. правом страны, где находится имущество. Причём для бездокументарных ценных бумаг страной, где находится имущество, считается страна, где ведётся учёт прав на такие ценные бумаги. С точки зрения выбора компетентного правопорядка такой подход представляется оптимальным. Но вопросы и последующие возражения вызывает квалификация таким образом избираемого права в качестве именно вещного статута. Ведь вещный статут – это право определённого государства, подлежащее применению к вещному правоотношению. Таким образом данная правовая позиция предполагает включение в категорию вещных правоотношений бездокументарных ценных бумаг. Но бездокументарные ценные бумаги не имеют ничего общего с вещными правами.

Разрешение проблемы выбора права к бездокументарным ценным бумагам видится в закреплении в разделе VI ГК специальной коллизионной

нормы следующего содержания: возникновение, осуществление и защита прав по бездокументарным ценным бумагам определяются правом страны, где ведётся учёт прав на такие ценные бумаги. Собственно правовая позиция Пленума Верховного Суда содержит именно такой подход. Спорным представляется лишь применение к таким правоотношениям вещного статуса и норм о сфере действия вещного статуса (ст. 1205.1 ГК).

Также вызывает возражения правовая позиция Пленума Верховного Суда, в соответствии с которой в сферу действия вещного статуса входит реализация залогового правоотношения (обращение взыскания на заложенное имущество и реализация предмета залога) [6. С. 7]. Но, как известно, ст. 1210, 1211 предусматривают выбор права к договору о залоге с «иностранным элементом». По логике законодателя залоговое правоотношение как таковое должно подчиняться договорному статусу. Следует учитывать, что главное в залоговом правоотношении – именно обращение взыскания на заложенное имущество и реализация предмета залога. Значит разрешение этих вопросов также должно входить в сферу действия договорного статуса (ст. 1215 ГК РФ).

Таким образом, в соответствующих разъяснениях по вопросам применения коллизионных норм, по мнению автора статьи, наблюдается недостаточный учёт особенностей материально-правового регулирования и некоторая недооценка системного подхода при толковании правовых норм.

Список источников

1. Международное частное право : учеб. для бакалавров / отв. ред. Т.К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. 655 с.
2. Международное частное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. Т.К. Дмитриева. М. : Проспект, 2015. 392 с.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2013. 1006 с.
4. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 559 с.
5. Хаскельберг Б.Л. Правовая природа и значение государственной регистрации сделок о приобретении недвижимости в собственность // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Вып. 3 / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М. : Статут, 2007. С. 310–312.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 9 июля 2019 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 10. С. 2–15.

References

1. Dmitriev, T.K. (ed.) (2013) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. 3rd ed. Moscow: Prospekt.
2. Dmitriev, T.K. (ed.) (2015) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. 3rd ed. Moscow: Prospekt.
3. Sergeev, A.P. (2013) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: RG-Press.
4. Sukhanov, E.A. (2017) *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyy ocherk* [Property Law: A Scientific and Educational Essay]. Moscow: Statut.

5. Khaskelberg, B.L. (2007) *Pravovaya priroda i znachenie gosudarstvennoy registratsii sdelok o priobretenii nedvizhimosti v sobstvennost'* [Legal nature and significance of state registration of transactions on the acquisition of real estate into property]. In: Khaskelberg, B.L. & Tuzov, D.O. (eds) *Tsivilisticheskie issledovaniya: Ezhegodnik grazhdanskogo prava* [Civilistic Research: Yearbook of Civil Law]. Vol. 3. Moscow: Statut. pp. 310–312.

6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 24 ot 9 iyulya 2019 g. "O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated July 9, 2019, "On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 10.

Информация об авторе:

Баришпольская Т.Ю. — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tbari@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.Yu. Barishpolskaya, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tbari@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.12.2022;
одобрена после рецензирования 16.04.2023; принята к публикации 04.07.2023.*

*The article was submitted 07.12.2022;
approved after reviewing 16.04.2023; accepted for publication 04.07.2023.*